

В общеиндоевропейской фонологической системе немало отличий от слоговых языков Юго-Восточной Азии. Однако несомненно сходство в основной черте обеих систем — в смещении границы между консонантизмом и вокализмом в пользу последнего. Отсюда наличие промежуточных зон между ними из полугласных, плавных и носовых сонантов, отсюда бедность состава и вариативность гласных.

Индоевропейской фонологической системе присуще и такое проявление смещения консонантно-вокалической границы, которого нет в языках Юго-Восточной Азии. Речь идет об использовании проточности, которое чрезвычайно ограничено в индоевропейском консонантизме, где имелась лишь одна щелевая фонема /s/ <sup>12</sup>. Показательно отсутствие у нее локальных коррелятов. Можно предположить, что периферийный проток не использовался в консонантизме потому, что отходил к вокализму как средство модификации слогоносителя. Проточными модификаторами были, вероятно, не только полугласные и плавные сонанты, но и ларингалы — звуки с несомненно периферийной артикуляцией, в которых, исходя из этих соображений, следует усматривать не шумные согласные, а особый фонемный класс, сопоставимый по своему фонологическому статусу с сонантами.

К изолирующему типу индоевропейский праязык относился, как известно, лишь на древнейшей реконструируемой стадии своей истории. Последующая история общеиндоевропейского языка и его потомков представляет собой постепенный переход к иным языковым типам — агглютинативному, а затем флективному. Этот процесс, разумеется, глубоко затронул фонологическую систему, которая утратила названные черты, сближавшие ее с изолирующими языками Юго-Восточной Азии. Ликвидация силлабоморфемы как языковой единицы, слияние нескольких силлабоморфем в многосложное слово, в котором морфемные и слоговые границы больше не совпадают, — все эти проявления типологической перестройки вели к разукрупнению слогоносителя. Входявшие в его состав кинакемые группировки получили возможность выделиться и стать особыми фонемами — гласными или согласными. Это был, естественно, не единовременный акт, а многоступенчатый, многовековой процесс. Одним из способов обеспечения его постепенности стал переход от многопозиционной структуры слогоносителя к его двухморности. В общеиндоевропейском языке тем самым возникло фонологическое различие проточности у слогоносителя (но еще не у гласных фонем). Заядерный, прежде терминальный, компонент — сонантный или ларингальный — стал, как правило, второй морой слогоносителя. При ассимиляции обеих мор возникал двухморный монофтонг, при сохранении их неоднородности — дифтонг <sup>13</sup>. При неударности слога первая мора могла подвергнуться редукции, и тогда вторая мора становилась единственной в слогоносителе. Если последующий слог в слове не имел инициали, ею становилась терминаль, отсекаемая от предыдущего слога и тем самым становящаяся согласной.

Важнейшим следствием разукрупнения слогоносителя явилось смещение границы между вокализмом и консонантизмом в пользу последнего. Открылся путь к более полному использованию проточности и всех точек артикуляции для формирования согласных фонем. Теперь консонантизм мог стать более сбалансированным, более симметричным в отношениях между смычными и поточными, между локальными рядами.

Завершение коренной перестройки фонологической системы в связи с переходом в новый языковой тип относится уже к истории отдельных

<sup>12</sup> Фонетическим термином «щелевой» мы обозначаем проточные шумные согласные.

<sup>13</sup> О динамике строения индоевропейского слогоносителя см.: Степанов Ю. С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции. — ВЯ, 1974, № 5, с. 104—106.